



Вадим Бундин  
**На память**

18+

Вадим Бундин

**На память**

«Автор»

2026

**Бундин В. В.**

На память / В. В. Бундин — «Автор», 2026

На память — это романский аттракцион памяти и любви, в котором современная психологическая драма превращается в исследование того, как человек (и женщина, и мужчина) заново учатся быть живыми, счастливыми в одном единственном дне, который каждый раз новый и начинается со знакомства. Задача осложняется тем, что сознание «шутит» еще и тем, что подменяет некоторые особо травматичные воспоминания. Макс — выживший после авиакатастрофы, который утратил возможность запоминать новое: для него каждый день — будто впервые. Он помнит свою прежнюю жизнь, но не помнит даже саму катастрофу, мозг его считает, что была посадка, но всё, что случилось после, каждый раз тонет в забвении.

© Бундин В. В., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| Глава                             | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 9 |

# Вадим Бундин

## На память

### Глава

#### Эпиграф.

— Они приходят сюда каждый день, чтобы поспать?

— Нет, они приходят, чтобы их разбудили. Сон стал для них реальностью. И кто ты такой, чтобы говорить иначе, сынок?

(из к/ф «Начало» (ориг. «Inception»))

#### День 0.

Тишина в кабине заметно тяжелела, словно сам воздух стал гуще. За иллюминатором — только полосы света и темнота, напоминающая подвал, в котором навеки копится что-то таинственное и давно забытое. Шум двигателей превращался в гул крови у Макса в ушах, как будто самолёт летел сквозь него самого.

В салоне за перегородкой стояла гробовая тишина. Глухой стук, быстрые шаги. Макс не видел лиц, но ощущал их страх спиной — словно собственный пот на затылке.

Он вцепился в штурвал так, будто пытался укротить не только машину, но и что-то зыбкое, почти забытое: желание быть нужным.

— Говорит... в общем неважно, кто говорит... приготовиться к посадке, — хриплый голос будто всплыл откуда-то из-под воды звучал где-то в стороне. — Пристегните ремни.

Он бы добавил «если хотите выжить», но слова застряли, рассыпались внутри, не имея никакой силы, ни смысла. Поэтому через паузу тихо произнес в гарнитуру:

— И... Удачи всем нам.

Навигационные огни плясали на стекле, впереди неспешно и внушительно приближалась полоса. Макс вдруг поймал себя на странной мысли: а было ли это уже раньше? Или он только мечтал о таком шансе?

Панель светилась размеренно, без каких-то истерик призрачными красными точками — что придавало уверенности, что все идет правильно. Каждая лампочка светила чуть ярче, чем положено для обычной жизни.

Самолёт садился, спустя 25 минут с начала снижения.

Эта минута, казалось, уже случалась с ним: может быть, не единожды. Но только как бы понарошку.

Касание земли — холодное, как ранняя утренняя мгла. Тело отозвалось глухой болью под ребрами, Макс уж и забыл о ранении. Реверс. Тормоза. Самолет уверенно замедлялся, словно говоря Максy «Я тебя понимаю. Мы с тобой одно целое».

#### Пауза.

В этой жёсткой тишине мир сжался до точки, той, что была еще до Большого Взрыва: правая рука на РУД, красные огни впереди практически уже остановились, сто шестьдесят чужих биографий за спиной. Кто-то хлопнул в ладоши, будто для проверки, существует ли ещё этот мир, и убедиться в его реальности. Его поддержал второй, уже более уверенный, потом бодрый подростковый выкрик «Йу-ху-у» прорвался через открытую дверцу кабины, и вот уже весь салон кричит, вопит, хлопает, превращая, казалось, бы неминуемую гибель в карнавал.

Макс посмотрел в темноту впереди. Облегчение сменилось немym недоумением: всё ли, что произошло, было по-настоящему?

Он вытер лоб о манжет. Вдруг навалились ужасающая слабость. Боль в подреберье становилась уже невыносимой. Хотелось встать и выйти в салон, разделить праздник жизни со спа-

сенными, но ноги почему-то отказывались слушаться. В глазах плясали искорки, словно посадочные огни тоже присоединились к карнавальному настроению пассажиров, поддержав их нестройным фейерверком.

Он смог. Он посадил самолёт, он победил смерть и сделал, как казалось вначале, невозможное.

Он герой. Он всегда мечтал сделать вот это. И пусть да, не Газпром, но мечты все же сбываются.

...В глазах потемнело... Мир стал зыбким и продолжал медленно рассыпаться... Макс с трудом откинулся на спинку... Больше он уже ничего не чувствовал...

### **Первый день.**

Я просыпаюсь резко, будто кто-то встряхнул за плечо. Торопливо открываю глаза — первым делом вижу белесый потолок, солнечные полосы по полу и рядом скатанную до края простыню. Всё не моё. В голове легкий мутный звон, кожа зябнет — руки на теле, и вдруг с холодком осознаю: я абсолютно голый. Тело чужое, воздух другой, всё кажется каким-то неловким, будто ворвался в спектакль без текста.

Пытаюсь понять, где я, как оказался здесь, почему в таком виде. Пока мозг тупо сканирует пространство — доски пола, слабый запах пыли и чуть кисловатого белья, — я силюсь вспомнить хоть что-то цепкое, тёплое. Последнее, что всплывает — самолёт: легкий гул, стюардесса что-то говорит соседям сзади, место у прохода, взлёт, теснота ремня... Потом жгучая паника, шум, чьи-то крики, мелькание автоматов в проходе. Холод по спине, страх, борьба, кровь — где-то ближе к ребру, не боль, а уже липкая слабость.

Помню, как оказался в кабине, блеск огней на панели, кто-то бормочет в спину, спокойный голос Леши в наушниках голос. Всё было как в полусне: чёткие команды, руки — не свои, чужое утро... Потом вспышка, хлопок, иллюминатор — и всё, пустота, небытие.

Я же все помню.

И вот — этот дом, горячая простыня, чужие стены. Между посадкой и этим утром нет ничего. Ни вспышки, ни озарения, ни слов, ни одной зацепки. Ни-че-го. Как такое может быть? Лево́й рукой непроизвольно ошупываю бок. Пальцы натываются на едва заметный бугорок на коже. Взглядом осматриваю это место. Да, новый шрамчик, значит с ранением не померещилось и не приснилось. То есть память до сего момента сработала исправно и все вот это вот с самолетом тоже правда. Но какого же... хрена тут происходит?

Пытался найти хотя бы знакомый и понятный запах, но ничто не вспоминается. В груди двойной страх: не от того, что проснулся голым неизвестно где, а от ощущения, будто прошлое просто выдернули с корнем, и всё, что осталось — это место, в котором я ничего не значу.

Я сажусь, прикрываясь простынёй, слушаю: ни шагов, ни голосов, только редкий хруст стула, иногда половиц, за дверью. Значит все-таки в доме кто-то есть кроме меня. Интересно, кто же это? Сердце стучит глухо и быстро, как будто я сам себе враг.

Я не был по жизни мальчиком-колокольчиком. Молодость, особенно студенческую, я провел достаточно бурную. Да я и сейчас еще не старый. Тридцать лет это как раз тот возраст, когда чувствуешь себя все еще молодым, неубиваемым и бессмертным. Поэтому с ощущениями удивления и недоумения, когда я просыпался одному богу известно где с полным провалом в памяти о последних часах бурной вечеринки, был знаком. Так себе конечно. Но тем не менее, все что было до я же обычно помнил. Ну то есть все же всегда начиналось достаточно невинно и целомудренно. Это же только спустя несколько часов превращаешься в животное. Но сейчас-то не тот случай. Получается какая-то странная цепочка событий, приведших меня сюда: обычный рутинный рабочий день — вечерный вылет в командировку в город Н — самолет — полет — захват самолета — борьба с террористами — ранение — кабина — штурвал — посадка — потеря сознания. И вот эта комната в каком-то неизвестном доме с неизвестной кровати. Голышом. Повторюсь — какого ж хрена?

Голова ищет хоть какой-то смысл, и вдруг в ней, как гвоздь, вбивается одно: где-то, совсем недавно, был ещё «я» — человек со своей историей. А теперь я — только эта дрожащая оболочка в незнакомом доме, в новом утре.

Дверь скрипнула — я дёрнулся, натягивая на себя простыню неловкими руками, пытаюсь одновременно сдержать панику и прикрыться так, чтобы не выглядеть полным идиотом. В комнату вошла девушка (девушка, чтоб ее!!!) — молодая, изящная, рыжие волосы сбились в пучок, ничего потустороннего и волшебного на ней не было, значит версия с внезапным попаданием в Нарнию отпадает: только короткое, домашнее платье, чуть мятая ткань и загорелые ноги. Ни макияжа, ни намёка на игру — лишь естественность, как у ветки, только что принесённой ветром. Ни эльфых ушей, ни хвоста, ни огнедышащего дыхания. Простая, земная довольно миловидная девушка с выразительными голубыми глазами.

Меня прошибло жаром: так не по себе я не чувствовал себя со студенческих лет. Вот бы сейчас оказалось, что это плохой сон! Я судорожно натягиваю простыню, прикрываясь до груди. Ты голый, Макс. Абсолютно и бесповоротно.

Девушка стоит у дверей, руки сцеплены на груди, улыбается, не пытаясь поправить прядь у щеки. Со взглядом, в котором больше спокойствия, чем она явно переигрывает меня. В её глазах — сразу и смешинка, и что-то чуть дерзкое, но добродушное; как будто ей и правда забавно видеть «нового» жильца вот так.

— Доброе утро, — говорит она мягко, но уверенно, будто ну вообще в данной ситуации ничего необычного. — Ты Макс. Я — Марина. Ты в моем доме. В лесу, между прочим.

Я соглашаюсь хмурым кивком, прикрываюсь простынёй, стараюсь не смотреть лишний раз туда, где у девушки вырез в платье и забавная жилочка на ключице сбоку. Смущение льётся под кожу, будто впервые остался ночевать не у себя.

Вместо неловких комментариев Марина машет рукой на стул, где аккуратно лежит одежда:

— Одевайся. В лесу так иногда бывает: люди оказываются и без вещей, и без воспоминаний. Не бойся — я не кусаюсь. Если что, спасу от комаров и любого свирепого хищника. Ну как свирепого? Так... Но любого.

Я киваю, изо всех сил жму простыню, только чтобы не соскользнуть самому с кровати. Марина поглядывает на меня чуть дольше, чем надо, но с откровенно добрым весёлым взглядом:

— На кухне жду тебя. У нас тут завтрак скромный, зато компания необычная.

Уходит легко, по-девичьи изящно двигая бедрами, и вдруг мне становится ужасно неловко из-за того, что я стесняюсь — и одновременно почти по-детски хочется ей поверить.

Макс одевался медленно, всё ещё смущённый. Вид чужих удобных штанов и рубашки на чистой стопке почему-то вызывал тревогу: даже дома не заблудишься так, как в новых вещах после чужой ночи. И кстати, интересно знать, почему всё это чужое? А где моё, подумал Макс с недоумением.

Пока натягивал носки с солнцем и лимоном, с трудом перебарывал желание снова спрятаться под одеяло — или хотя бы не встретиться глазами с хозяйкой этого странного лесного дома.

Коридор встретил тишиной и запахом каких-то сушёных листьев, кто-то где-то тихонько напевал, и на полу валялась бумажная закладка. Световые пятна ползли по дощатому полу, а сердце стучало так, будто за каждым углом был скрыт экзамен.

На кухне уже пахло хлебом и лёгким дымком масла. Марина насмешливо скользнула по Макс, чуть смерив его проверяющим женским взглядом, тихо улыбнулась.

— Выглядишь помятым, но уже хотя бы одетым. Пока не садись, — сказала она. — У нас утренний ритуал: сначала умыться. Ванная — через левую дверь.

(Пауза, кривой смешок.)

— И, чтобы два раза не вставать: можешь удивиться, но у нас даже унитаз есть, настоящий, с бачком и смесителем! Мы ж не дикари тут! Туалет на улице с дыркой оставили дедам, мы тут — за цивилизацию. Не бойся, экспериментировать не придётся. А мне что-то подсказывает, что данная информация тебе после сна очень к месту.

Макс кивнул, впервые улыбнулся чуть искреннее: простая забота сбивала остроту утренней паники. Он уже шагнул было в сторону ванной, как Марина, оценивающе проводив взглядом его походку, вдруг хмыкнула:

— Хотя, если что — инструкцию по крану и смыву могу начертить в трёх актах. Но вроде не создаешь впечатление совсем уж жителя из далекой таежной глубинки. Только не сломай ничего важного.

Макс почувствовал, что сжимается не только от стыда, но и от неожиданного облегчения: казалось, даже дом перестал быть таким чужим.

В ванной он впервые взглянул на себя по-другому — умытый, с чуть мокрыми волосами, стал казаться себе не таким уж «сбежавшим», каким был минуту назад. В зеркало на него смотрел вполне знакомый молодой человек лет тридцати от роду. Короткая стрижка (парикмахерша Наташа называет это «сгодиться-и-для-Кремля-и-для-ночного-клуба»). С легкой небритостью, но вполне себе ничего. Только... Куда же ты попал, Макс, твою же мать?

Выйдя на кухню, поймал себя на том, что дыхание стало ровнее, ноги — увереннее. Может, именно для этого нужны шутки и домашняя история: чтобы не помнил зачем ты здесь, но знал, что бить тебя сразу не будут, и тебя ждет обычный разговор, а не допрос.

Макс аккуратно ковыряет вилкой свежую яичницу с колбасой: в доме пахнет едой, топленым маслом и чем-то новым — Макс никак не мог идентифицировать запах, но точно его знал. Марина склоняется к столу, чтобы взять хлеб, невольно вырез платья оказывается перед глазами Макса — и он вдруг видит её красивую грудь. В ушах шумит кровь, щеки заливает жар. Он едва не опрокидывая вилку, судорожно прячет взгляд куда-то в свою тарелку.

Марина всё мгновенно замечает и смеётся легко, даже не обижающаяся, скорее подначивая:

— Осторожно, Макс, подглядывать за девочками в раздевалке это уж совсем того... Иначе запишу замечание в дневник! — Она пальцами чуть манерно и кокетливо поправляет вырез, и смешинка в глазах становится почти ласковой. Как и любой девочке ее лет, ей одновременно и льстило, что мужчина увидел и оценил ее прелести, и в то же время она испытывала неловкость от этого, но виду конечно старалась не подать.

Макс мямлит что-то неразборчивое, что мол а нечего тут хвастаться, пытается скрыть ухмылку в хлебе. Старается казаться занятым едой.

В этот момент слышится частый топот маленьких ног, и на кухню уверенно входит рыжая девочка лет четырёх — серьёзная, как крошечный директор большого завода. Она окидывает Макса быстрым взглядом — и он невольно замирает: привычная тут, как будто неотъемлемая часть здешней реальности, но такое же необъяснимое явление, как и все кто вообще находятся здесь. Впрочем, как и вся окружающая Макса реальность этого утра.

Марина моментально берёт инициативу на себя:

— Макс, знакомься — это Аня, мой главный эксперт по завтракам. Она решает, кто у нас достоин второй тарелки и поцелуя после каши! Аня, это Макс. Новый гость, ничего не помнит, но хлеб от яичницы отличает, туалетом пользоваться умеет.

Макс пытается улыбнуться:

— Привет... э... Аня.

Девочка серьёзно смотрит на него, буркнула «Привет», и потом больше не обращает внимания и принимается за свою яичницу, словно это её личный экзамен.

Марина с доброй иронией:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.